

Лин Цюн мчался по коридору со всех ног. Вокруг всё было роскошно и богато, но ему было не до того, чтобы это разглядывать.

Если я не побегу — мне конец!

Он гнал себя до предела, бежал так же отчаянно, как когда-то на школьном зачёте по физподготовке на тысячу метров, но коридор всё не кончался.

Лин Цюн задыхался, лёгкие горели огнём.

Этот чёртов коридор просто бесконечный!

Сердце колотилось, будто в груди у него бушевали десять тысяч сусликов. По обе стороны коридора тянулись двери, и если он замедлится, кто-нибудь может выйти и перерезать ему путь — тогда о побеге можно будет забыть.

Внезапно впереди показалась вычурная дверь в европейском стиле, стеклянная панель над ней будто светилась мягким светом.

Нет! Это был не просто свет.

Это был святой свет Иисуса!

Если бы он только успел добежать до этой двери, он был бы свободен и мог бы ждать новую жизнь!

Улыбка расплылась по лицу Лин Цюна. Господи!

— Хватит! — раздражённо бросил Ли Ханьян в трубку родителям. — С Синьюнем мы уже много лет как братья. И что теперь, раз его подставили и он всё потерял, я должен от него отказаться?

До несчастного случая Фу Синьюнь всегда возглавлял семейное дело Фу. Но после аварии шесть месяцев назад, оставившей его частично парализованным, отец и сводный брат объединились с акционерами и методично лишили его всего, что он контролировал.

Тяжело раненный и осознав, что, возможно, больше никогда не сможет ходить, Фу Синьюнь с трудом смирился со своей судьбой. Он впал в уныние, его характер стал вспыльчивым и непредсказуемым.

Фу Чанцзин воспользовался «душевным состоянием» старшего сына как предлогом, чтобы позволить младшему, Фу Цзинхуну, занять место Фу Синьюня. Кроме того, некоторые из старых акционеров компании, которые уже давно затаили обиду на молодого и высокомерного Фу Синьюня за его властность, воспользовались моментом, чтобы подорвать его влияние. При подстрекательстве Фу Чанцзина власть Фу Синьюня быстро сошла на нет.

Хотя формально он всё ещё носил титул в компании, теперь это была пустая формальность. Старые игроки индустрии, хитрые как лисы, уже давно поняли, что звезда Фу Синьюня закатилась, и поспешили от него дистанцироваться, проведя чёткую грань.

Даже сегодня, в день свадьбы Фу Синьюня, несмотря на разосланные приглашения всем крупным семьям, пришло лишь несколько гостей.

— Если больше нечего сказать, я кладу трубку, — раздражённо сказал Ли Ханьян, закончил звонок и с досадой провёл рукой по волосам.

Он глубоко вдохнул.

Это же важный день моего брата. Я должен радоваться.

Ли Ханьян подошёл к двери и распахнул её.

Белая фигура метнулась мимо, раздавался безумный смех.

Ли Ханьян: «.....»

На мгновение Ли Ханьяну показалось, что ему почудилось. Но тут раздался громкий «БАХ!». В конце коридора остались лишь двойные двери, которые от удара распахивались туда-сюда, словно крылья бабочки.

Лин Цюн прорвался сквозь двери и прыгнул вперёд, прыжок веры. Он был свободен; теперь его могла остановить только полиция.

Но он успел сделать всего пару шагов, как перед ним выросла высокая белая стена.

Лин Цюн: «?»

Это было совсем не то, что он себе представлял.

Лин Цюн уставился на стену, потом медленно обернулся. Его тело резко дёрнулось, глаза слегка расширились.

Перед ним возвышался огромный собор — величественный и торжественный, священный и неприкосновенный. Лин Цюн никогда прежде не видел ничего столь грандиозного, и на мгновение он застыл, поражённый и лишившийся дара речи.

В прошлой жизни он был всего лишь маленьким горожанином, самым обычным человеком среди миллионов. Даже когда он мельком видел подобные виды по телевизору, это было слишком мимолётно.

Лин Цюн смотрел на собор, не в силах отвести глаз.

Это...

Чёрт возьми, это просто потрясающе!

Лин Цюн вытянул шею, как деревенский простачок, ошарашенный громадой строения перед собой. Но быстро тряхнул головой.

Сейчас не время на это пялиться. Ему нужно было спастись.

Лин Цюн обошёл вокруг высокой стены, отчаянно ища выход. Но, обладая врождённым отсутствием чувства ориентации, после долгого кружения он оказался... ровно там же, где начал.

Лин Цюн: «.....»

Это было просто до абсурда странно.

Тонкие брови Лин Цюна чуть нахмурились. Местность снаружи церкви была настолько запутанной, что даже опытный путешественник с трудом бы разобрался, не говоря уж о таком, как он — деревенском неудачнике.

Он скользнул взглядом в сторону двери, через которую ворвался ранее — похоже, это был единственный возможный путь для побега.

Слегка опершись на стену, Лин Цюн опустил взгляд. Его раньше тщательно зачёсанные волосы растрепались, прядки падали на лоб. И тут, будто молнией озарённый, он резко выпрямился.

Поглощённый страхом перед злодеем всего пару минут назад, он лишь теперь начал приходить в себя и осознавать истину:

Побег — это смертный приговор.

В книге первая роковая ошибка «пушечного мяса» заключалась именно в том, что он сбежал с собственной свадьбы, оставив Фу Синьюня одного — переживать публичное унижение и полное падение.

Лин Цюн стоял, будто приросший к месту, — летний зной не мог пробиться сквозь ледящийся ужас, сковавший его сердце.

Затем он поднял бледный средний палец к небу.

Ничего личного, мир. Я просто хочу тебя нагнуть.

Лин Цюн стоял, беспомощно озираясь, не зная, что делать и куда податься. Газон перед церковью был усыпан цветами неизвестных видов. Какие именно это были цветы, он не знал, так что проще всего было назвать их дикими. Он наугад сорвал один.

— Вернуться... не вернуться... вернуться...

Лепестки один за другим срывались и падали на землю перед его глазами.

Уставившись на последний лепесток, цеплявшийся за стебель, Лин Цюн глубоко вздохнул:

— Вернуться.

Он смотрел на голую головку сорванного цветка, на мгновение растерявшись.

А потом мысли закрутились вихрем.

Побег — это верная смерть, да и сбежать всё равно невозможно. Может, если он вернётся и попробует изменить оригинальный сюжет книги, то сумеет протянуть хоть немного дольше?

Глаза Лин Цюна вдруг загорелись. Точно! Если он не будет повторять самоубийственные ошибки прежнего хозяина этого тела, у него есть шанс выжить под рукой злодея.

В конце концов, месть Фу Синьюня была направлена на тех, кто воспользовался его падением и пинал его, когда он оказался в беспомощном положении.

Лин Цюн собрался с духом. Хотя его жизнь сейчас казалась изжёванной и выплюнутой, как

старая собачья кость, без видимого пути вперёд, он решил: буду жить день за днём.

Он выпрямил белый свадебный наряд, решив произвести хорошее впечатление на злодея.

Но его энтузиазм тут же завял, как только что проклюнувшийся росток, у которого оборвали первые листочки.

Когда он только что попал в это тело и ещё не мог управлять собой, он уже успел оставить катастрофическое первое впечатление на злодея.

Мужчина не может показать слабость!

И всё же рот Лин Цюна, казалось, вот-вот ляпнет именно это.

Хотя выражение лица Фу Синьюня оставалось неизменным, этот старый лис, притворяющийся слабым, наверняка уже давно затаил обиду в сердце.

На мгновение Лин Цюн не мог понять, зачем его вообще вернули к жизни — чтобы снова умереть?

Наверное, это просто извращённое чувство юмора небес, усмехнулся он про себя.

Лин Цюн опустил взгляд, рассматривая свой белый свадебный костюм. Ткань, пошив — всё было изысканным и утончённым.

Глядя на наряд на себе, он чувствовал, как перед глазами начинают бешено мелькать нули: десятки, сотни, тысячи, миллионы...

Лин Цюн глубоко вздохнул.

Оно того стоит!

Ещё минуту назад поникший, как побитый морозом баклажан, Лин Цюн вдруг оживился. Но едва он собрался войти в дверь, как его кольнула странная мысль.

Свадьба... А почему на его груди нет бутоньерки?

Лин Цюн никогда не бывал на свадьбах богатых людей. На тех банкетах, куда он попадал, женихи всегда носили цветок на лацкане.

Хотя он в основном ходил туда ради еды, на такие мелочи он всё же обращал внимание.

Лин Цюн вдруг вспомнил, что, кажется, и у Фу Синьюня на груди тоже не было цветка. Он обернулся к стене.

Безымянные полевые цветы: «.....»

— Сяо Цюн! — Фу Цзинхун обыскал всю церковь, обшарил каждый уголок, пока наконец не нашёл Лин Цюна у белой стены.

Тот сидел на корточках, с охапкой полевых цветов в руках, шепча что-то себе под нос...

Фу Цзинхун подошёл ближе.

— Не рви полевые цветы у дороги... хотя, если не сорвёшь, потом будешь жалеть...

Фу Цзинхун: «.....»

Фу Цзинхун заставил своё выражение лица вернуться в норму.

Всё, чего он сейчас хотел, — это уговорить Лин Цюна сбежать с ним со свадьбы, чтобы его старший брат оказался опозоренным и высмеянным прямо на церемонии.

До того как Фу Цзинхуна официально признали членом семьи Фу, он случайно ходил с Лин Цюном в один и тот же детский сад. Позже, узнав, что Фу Синьюнь собирается жениться на Лин Цюне, он ухватился за возможность с ним встретиться.

Лин Цюн, разумеется, не помнил о Фу Цзинхуне ровным счётом ничего, но тот утверждал, будто Лин Цюн когда-то спас его в детстве. Он уверял, что всегда хранил этот долг в сердце и что теперь это выросло в глубокое чувство, осыпая Лин Цюна сладкими словами и роскошными подарками.

К счастью (для него), Лин Цюн был не слишком сообразительным и легко поддавался на дорогие подачки.

На протяжении всей недели перед свадьбой Фу Цзинхун прилагал все усилия, чтобы втереться Лин Цюну в доверие — всё ради того, чтобы сегодня опозорить Фу Синьюня.

— Сяо Цюн! — окликнул он.

Лин Цюн, который только что возился с полевыми цветами на земле, вдруг оказался резко поднят на ноги.

Он ошеломлённо уставился на мужчину перед собой.

Кто ты такой?

Не успел Лин Цюн собрать мысли, как тот заговорил с пулемётной скоростью:

— Сяо Цюн, наконец-то я тебя нашёл! Я знаю, ты не хочешь выходить за моего старшего брата! Всё это моя вина, я был слишком слаб, чтобы остановить это!

С этими словами он с яростью ударил кулаком о стену.

Лин Цюн: «.....»

Кажется, я понял, кто этот идиот...

Доминантный гендиректор из дешёвых романчиков, сводный брат злодея — Фу Цзинхун, тот самый, кто уведёт у него мужа!

Лин Цюн быстро скользнул по нему взглядом... и отступил назад.

Не пытайся со мной играть в это «с невесткой веселее всего»!

Не замечая выражения отвращения на лице Лин Цюна, Фу Цзинхун шагнул вперёд и схватил его за запястье.

— Сяо Цюн, я увезу тебя отсюда. В место, где будем только мы вдвоём. Нас сможет разлучить только смерть.

Ну всё... начинается веселье...

— Вообще-то, я... — начал было Лин Цюн.

— Доверься мне, я тебя вытащу отсюда! — горячо продолжал Фу Цзинхун.

— Эм... дело в том... — попытался вставить слово Лин Цюн.

Но Фу Цзинхун тараторил, не давая ему возможности открыть рот.

В пару ловких движений он потянул Лин Цюна и помог ему перелезть через стену.

— Сяо Цюн, посмотри! Мир так огромен. Для нас с тобой обязательно найдётся место!

Лин Цюн: «.....»

— Вообще-то, я собирался вернуться и жениться на твоём брате.

— Врёшь! — выпалил Фу Цзинхун.

Лин Цюн: «.....»

— Сяо Цюн, я не позволю тебе обманывать самого себя. Или предавать чувства между нами.

Да у этого парня реально проблемы с головой...

— Я не вру.

— Тсс, — Фу Цзинхун прижал палец к губам Лин Цюна. — Я всё понимаю. Я знаю.

Да ты ничего не знаешь!!!

— Свадьба вот-вот начнётся. Если мы сейчас не уйдём, нас найдут.

Ах, так ты ещё и знаешь, что свадьба сейчас начнётся? Если я не уйду сейчас, я на неё опоздаю!

Лин Цюну уже было не до шуток. Он развернулся, собираясь прыгнуть обратно, но Фу Цзинхун снова схватил его — и начал разыгрывать сентиментальную, душещипательную сцену.

— Сяо Цюн, ты ещё помнишь, как мы были детьми в детском саду? Никто не хотел со мной играть, и только ты пел для меня?

— Я до сих пор помню ту песню: “Ласточки в пёстрых жилетках, возвращаются сюда каждую весну. Я спрашиваю ласточек, зачем вы прилетаете”... Ааааа!

Лин Цюн не выдержал. Его терпение лопнуло. Он с силой пнул Фу Цзинхуна, сбросив того со стены.

— Ласточка сказала: «Не твоё, блин, дело.»

<http://bllate.org/book/12640/1121087>